

had public predial servitudes (such as *via* and *aquae haustus*), though some modern scholars maintain that they did not exist till the post-classical law and were unknown to the classical jurists. No one denies, however, that many personal servitudes, namely, *superficies* and *emphyteusis*, developed not later than in the republican period as institutes of public law and were transferred to the sphere of private law in the imperial period. But again, no one is ready to admit that *servitutes praediorum* could undergo similar evolution. Meanwhile, the sources make it possible to conclude that classical Roman jurists and agrimensors used the term *praedium* to denote both private and public land and employed the term of predial servitude when referring to public law relations. Moreover, the data of *Liber coloniarum*, those of municipal laws of the 1st c. BC, and the fragments of Hyginus Gromaticus allow the author to assert that the public servitude of *via* existed as early as in the republican time. In addition, analysing the information referring to the early Roman international agreements and to the history of *Via Appia*, which in the 4th c. BC ran from Rome to Capua through the lands belonging not only to the Romans but also to their allies, the author comes to the conclusion that servitude of *via* was developing in the sphere of international law.

An analysis of the Digest and Livy allows the author to assume that the *servitus cloacae immittendae* was originally public in character, and the agrarian law of 111 BC describes *servitus pecoris pascendi* as a public servitude. The final conclusion of the author is that some kinds of servitudes came about earlier than private property of land and were developing originally as public ones; they were transferred to the sphere of private law only when private ownership of land had become widespread.

© 2008 г.

А. Е. Кузнецов

НЕВИЙ, МЕТЕЛЛЫ И САТУРНОВ СТИХ

Стих Невия, в котором упоминаются Метеллы, является одним из наиболее трудных документов в истории римской литературы. Согласно с традиционной, *инвективной*, интерпретацией¹, стих содержит нападки на могущественную плебейскую семью Цецилиев Метеллов. Публикация стиха вызвала ответный сатурнов стих Метеллов против поэта. Сам Невий подвергся гонениям.

В настоящей статье исследуются источники этой истории, которые самым тесным образом связаны с римскими теориями сатурнова стиха.

¹ Cn. Naevii Poetae Romani vitam descripsit, carminum reliquias collegit, poesis rationem exposuit Ernestus Klussmann... Ienae, 1843 (далее – *Klussman*). P. 16; Geschichte der römischen Litteratur... von M. Schanz. T. 1. Die römische Litteratur in der Zeit der Republik. 3. Aufl. München, 1907 (Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 8). S. 61; *Richter W.* Staat, Gesellschaft und Dichtung in Rom im 3. und 2. Jahrhundert v. Chr. (Naevius, Ennius, Lucilius) // Gymnasium. 1962. 69. S. 292; *Waszink J.H.* Zum Anfangsstadium der römischen Literatur // ANRW. Bd 1. 2. S. 927; HLLA. 2002. S. 106. М. фон Альбрехт говорит о «горчайшей вражде (поэта) с влиятельными Метеллами» (*Альбрехт М. фон.* История римской литературы. Т. 1. М., 2002. С. 147). Полезный и умеренно скептический обзор проблемы см. *Цытлева Е.С.* Конфликт поэта Невия и Метеллов: новый взгляд на старую проблему // «Ломоносов-2004». Материалы XI Международной научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2004. С. 331–333.

1. Единственным текстом, сохранившим стих Невия, являются схолии Псевдо-Аскония² к первой речи Цицерона против Верреса (I. 29). Ответный стих Метеллов известен как по схолиям Псевдо-Аскония, так и по метрическим трактатам.

Текст Цицерона:

Nam hoc Verrem dicere aiēbant, tē nōn fātō, ut cēterōs ex vestrā familiā, sed operā suā cōnulem factum – «утверждают, что Веррес говорил, что тебя (Квинт Цецилий Метелл, консул 69 г. до н.э. – А.К.) судьба сделала консулом, как иных из твоего рода, но его, Верреса, старания».

Схолии Псевдо-Аскония:

dictum facētē et contumēliōse in Metellum consulem antiquum Naevii est:
fātō Metellī Rōmae fiunt cōsulēs³

cui tunc (?) Metellus cōsul irrātus versū respondeat sēnāriō hypercatalecticō quī et Sāturnius dicitur:

dabunt malum Metellī Naeviō poetae⁴

Я полагаю, что для грамматической связности первого предложения необходимо исправление <nam> antiquum..., которое палеографически объяснимо как упрощение последовательности схожих минускульных начертаний... *etna-tan...* С учетом этой правки, которая обсуждается далее в § 3, получаем перевод:

(Это) сказано (Цицероном) остро и обидно против консула (69 г.) Метелла. <Действительно>, есть древнее (высказывание) Невия «судьба дает Метеллам в Риме консульство»...

Тогда (?) консул Метелл (Квинт Цецилий Метелл, консул 206 г. до н.э.) разгневался на (поэта) и отвечал ему стихом, (написанным) гиперкатаlecticским сенарием, который называется также сатурновым: «беду дадут Метеллы Невию поэту».

Повествовательное *tunc* плохо связано с предшествующим текстом⁵. Это указывает на то, что Псевдо-Асконий или неудачно сократил свой источник, взяв из него две части, оказавшиеся несвязанными, или объединил два первоначально самостоятельных текста: 1) собственно комментарий к Цицерону, в котором объяснялось выражение *fātō cōnulem factum* и приводился стих Невия; 2) рассказ о вражде Невия и Метеллов.

2. Рассмотрим параллельные тексты, относящиеся ко второй половине комментария Псевдо-Аскония.

Стих Метеллов цитируют метрические трактаты: Pseudo-Bassus (Liber de Metris) VI. 266, 7–16 GLK; Aphthonius VI. 139, 19 GLK; Sacerdos VI. 531, 17 GLK (вариант *malum dabunt*); Atilius Fortunatianus VI. 294, 4 GLK; Terentianus Maurus 2517 (вариант *dabunt malum*).

² Квинт Асконий Педиан (Asconius Pedianus) издал комменарий к речам Цицерона ок. 55 г. н.э. Этот комментарий частично сохранился в позднейшей редакции. Под именем Псевдо-Аскония известен анонимный комментарий (V в. н.э.) к корпусу речей против Верреса. Текст: Ciceronis Orationum Scholiastae / Ed. T. Stangl. Vol. 2. Wien, 1912.

³ Remains of Old Latin / Ed., Transl. by E.H. Warmington. Vol. 2. Cambr. (Mass.) – L., 1936. P. 154; Naevius Poeta. Introduzione bibliografica, testo dei frammenti e commento di E.V. Marmorale. 2 ed. Firenze, 1950 (далее – *Marmorale*). Bellum Punicum, fr. 46.

⁴ FPL³. P. 72.

⁵ Чтение *tum* (вместо *tunc*) допускает синтаксис *tum consul*; ср. Tac. Ann. VI. 20: *non omiserim praesagium Tiberii de Servio Galba tum consule...* Это безразлично для обсуждаемого вопроса: *tum*, как и *tunc*, предполагает предшествующее повествование.

В трех из этих источников находим упоминание о ссоре поэта с Метеллами.

(a) «Liber de Metris»: ...optumus est quem Metellī prōposuērunt dē Naeviō aliquotiēns *ab eō versū lacessītī*...

(b) Афтоний: ...cuius exemplum Metellī prōposuērunt dē Naeviō aliquotiēns *ab eō lacessītī ita*...

(c) Теренциан Мавр (2515):

et Naeviō poetae sic ferunt Metellōs,
cum saepe laederētur, esse comminātōs...

Слово *versū* в тексте «Liber de metris» необходимо признать поздней интерполяцией. Текст Афтония (зависящий от «Liber dē metris») не поддерживает альтернативного удаления [ab]: *aliquotiēns eō versū* (= sāturniō) *lacessītī*, что дало бы смысл «они (Метеллы) многократно подвергались нападкам в сатурновых стихах». Следует принять, что текст «Libri de metris» и Афтония в этом месте полностью совпадал: *lacessītī ab eō lacessītī* «они (Метеллы) многократно подвергались нападкам с его (Невия) стороны».

Сопоставление изложения «Libri de metris» (вместе с Теренцианом Мавром и Афтонием) с версией Псевдо-Аскония обнаруживает полное расхождение. Прежде всего, отсутствуют текстуальные совпадения. Далее, в изложении «Libri dē metris» Метеллы *публикуют* (proposuērunt) стих после многократных оскорблений со стороны Невия. У Псевдо-Аскония консул *отвечает* на конкретное высказывание Невия. Наконец, Псевдо-Асконий дает совсем иное метрическое объяснение сатурнова стиха: гиперкаталектический (с наращением на один слог в конце) ямбический триметр. Три метрических трактата объясняют сатурнов стих как соединение двух колонов: усеченного ямбического диметра и трехстопного трохея. Очевидно, что Псевдо-Асконий использовал совсем иной метрический первоисточник.

К гиперкаталектическому ямбическому триметру сводит сатурнов стих Диомед (I. 512. 18 GLK), который, однако, не упоминает стих Метеллов. Эта теория была известна Афтонию (VI. 140. GLK); таким образом, *метрический источник* Псевдо-Аскония был не менее древним, чем «Liber de metris»⁶.

3. Цитата из Невия могла войти в комментарии к Цицерону в эпоху, когда тексты драматических произведений поэта были доступны. В этой части схолий Псевдо-Аскония восходит к некоему *древнему комментарию*, автором которого вполне мог быть подлинный Асконий Педиан.

Отношение древнего комментария к метрическому источнику составляет проблему, от решения которой зависит оценка достоверности всей традиции, относящейся к ссоре Невия с Метеллами.

Провал между первой и второй частями схолия поглощает самые важные элементы предполагаемых первоисточников (или первоисточника) Псевдо-Аскония.

Предположим, что древний комментарий и метрический источник совпадали. В этом случае древний комментатор должен был:

- 1) показать, что текст Цицерона содержит намек на *fātō Metellī*;
- 2) объяснить, какой смысл имеет этот стих;

⁶ Б. Луизелли доказывал, что на общий источник опираются Диомед и Атилий Фортунатиан (*Luiselli B. Il verso saturnio. Roma, 1967. P. 85*). Достоверность этой гипотезы подрывается сопоставлением с Псевдо-Асконием, который был оставлен Луизелли без внимания. О Варроне как о возможном авторе всей истории см. далее, прим. 25.

3) показать, что стих мог быть понят Метеллами как оскорбление;

4) сообщить историю об ответе Метеллов, которая была бы в этом случае историческим комментарием к стиху Невия;

5) дать метрический комментарий к *dabunt malum...*

Между тем, нет никаких свидетельств, подтверждающих, что 2-й и 3-й пункты были известны схоластику. Сам текст Цицерона не предполагает необходимым образом инвективного истолкования стиха Невия, хотя и не противоречит ему.

Что касается метрических авторов, то им ничего не было известно о связи между *fātō Metelli* и *dabunt malum*.

Очевидно, что нет никаких оснований приписывать метрическому источнику интерес к *fātō Metelli*, поскольку этот стих нужен только для объяснения темного места из речи Цицерона. С уходом Невия из круга читаемых в подлинниках авторов цитата сохранялась только в комментариях к Цицерону. С другой стороны, сомнителен интерес комментатора Цицерона к метрике сатурнова стиха или специальным пособиям по метрике. Следовательно, мы не можем утверждать, что схолий Псевдо-Аскония был сокращением единого древнего комментария.

Более правдоподобной оказывается другая гипотеза: схолиаст механически объединил два разных текста. При этом начало истории Невия и Метеллов было утрачено, однако ясно, что в метрическом источнике это начало содержалось.

Положение с древним комментарием к Цицерону более сложное. Вернемся в этой связи к тексту схолия.

Предложенное нами исправление делит первую фразу комментария на две синтаксически автономные части:

1) *dictum facētē et contumēliōse in Metellum cōnsulem <>*

Мы видим обычный для римских комментаторов оборот: наречие + *dictum*⁷. Толкование относится, конечно, к остроумию цicerоновского текста. Следующее предложение уточняет первое:

2) *<nam> antiquum Naevii est...*

Уточнение, вводимое *nam*, также является типичной для комментариев конструкцией⁸. Понятно, что предлагаемое нами исправление отделяет характеристики *facētē et contumēliōse* от стиха Невия. Что будет, если вернуться к рукописному тексту?

dictum facētē et contumēliōse in Metellum cōnsulem antiquum Naevii est...

Связь с текстом Цицерона разрушается, когда *dictum* соединяется с *antiquum*, и ответственность за эту неуклюжую фразу можно возложить только на компилятора V в., а не на его предшественников.

Таким образом, независимо от того, принимать или править рукописный текст, мы должны признать, что в схолиях Псевдо-Аскония не содержится надежных указаний на то, что древний комментатор понимал стих Невия как остроумный выпад против Метеллов.

Наконец, если признать, что в древнем комментарии не было упоминания о *dabunt malum...*, то без прямых подтверждений со стороны Псевдо-Аскония мы

⁷ *invidiose dictum est* (Servius ad Aen. II. 326); *sane nove dictum est* (Servius ad Aen. III. 339).

⁸ Также имеются схожие конструкции у комментаторов: *...per historiam dictum putant. nam...* (Servius ad Aen. III. 76).

теряем какие-либо основания приписывать древнему комментарию рассуждения об оскорбительном смысле стиха Невия.

Суммируя эти аргументы, мы можем сделать следующий вывод: до Псевдо-Аскония стихи *fātō Metellī* и *dabunt malum...* не связывались друг с другом и не появлялись внутри одной истории. Стихотворный диалог между Невием и Метеллами был порождением неудачного комментария неизвестного компилятора V в.⁹

4. Современные инвективные интерпретации опираются на схолий Псевдо-Аскония и наследуют его слабое место: доказательство оскорбительного характера стиха Невия остается трудной и до сих пор неразрешимой задачей. Предложение, само по себе непонятное, вырвано из контекста, а схолии Псевдо-Аскония ничего не разъясняют, поскольку мнение древнего комментатора относительно смысла выражения *fātō fiunt* бесследно утрачено. Все филологи, занимавшиеся этим вопросом, согласны в том, что прямолинейное инвективное понимание мыслимо только как экспликация реконструируемого контекста, например: «Злой рок дает Метеллов Риму в консулы»¹⁰.

Близкими по времени к Невию примерами слова *fātum* мы практически не располагаем, поэтому понимание этого места строится по аналогии с классическим узусом.

Синтаксис стиха может быть понят различно.

(a) *fātō* дательный падеж – «на погибель»¹¹. Как эвфимизм со значением «смерть, гибель» или более обобщенно «злая участь» *fātum* засвидетельствовано достаточно хорошо¹². Слабым местом этого толкования, наиболее удобного для инвективной интерпретации, заключается в полном отсутствии классических примеров с дательным падежом.

(b) *fātō* = *in fātō*, беспредложный отложительный падеж в локативно-темпоральном смысле: «Метеллы становятся консулами при роковых (критических, опасных) обстоятельствах». Это истолкование, которое работает против инвективной теории, хорошо согласуется с историческими реалиями, но очень плохо поддерживается классическим узусом. Единственный известный мне близкий пример: *in illō raene fātō rēi pūblicaе* – «в то роковое (погибельное) для государство время» (Cic. Pro Domo. 145). Не относится сюда *quā quidem in rē singulārī sum fātō* – «в этом деле я нахожусь во власти исключительной судьбы» (Caecina: Cic. Ad. fam. VI. 7. 1).

В смысле «роковое, решающее событие» слово *fātum* встречается у Плавта (Vacc. 953–959).

(c) *fātō* – каузальный отложительный падеж – «сделанный судьбой», это употребление – самое обычное для классической эпохи, включает сочетание *fātō fierī*.

⁹ Ко времени Псевдо-Аскония уже существовал тоpos ‘на обидные стихи император дает ответ поэту в стихах’, в рамках этого сюжета сложилось несколько анекдотов: Адриан и поэт Анней Флор (Hist. August. Hadrian. 16; FPL3. P. 341–343), Александр Север, Макрин и неизвестные поэты (Hist. August. Macrin. 11; Alex. Sever. 38; FPL³. P. 371–373).

¹⁰ Хрестоматия по ранней римской литературе / Сост. К.П. Полонская, Л.П. Поляева. М., 1984. С. 175. Перевод М.Л. Гаспарова.

¹¹ *Jachmann G. Naevius und die Meteller* // ANTIΔΩPON. Festschrift Jacob Wackernagel. Gottingen, 1923. S. 186; Яхманн признает, что мотивы выпада против Метеллов не могут быть установлены.

¹² Thesaurus Linguae Latinae. Vol. VI. 1. P. 359.

В пользу инвективной теории могут быть предложены уточняющие истолкования каузального падежа:

(d) *fātō* = *fortuītō* – «случайно» в негативном смысле¹³.

(e) *fātō* = *fortūnā* – «по стечению обстоятельств, без заслуг»¹⁴.

(f) *fātō* = *εἰς αὐρμένῃ* – «по воле рока, с неизбежностью»¹⁵.

(g) Наиболее надежно для ранних текстов засвидетельствовано значение *fātum* «прорицание, оракул», на основании чего была предложена интерпретация *fātō* «на основании изречения оракула», связывающая стих Невия с гипотетическими авгуральными обстоятельствами выборов 207 г., сделавших консулом Квинта Цецилия Метелла¹⁶.

(h) Наконец, против инвективной теории может быть выдвинуто истолкование, корректное и грамматически, и лексически, и с точки зрения исторических реалий: *fātō* – «посланный судьбой во благо»¹⁷. Это понимание находит очень сильную поддержку в следующем пассаже из речей Цицерона против Верреса: *salvī esse nōn possent, nisi C. Mārcellus quasi aliquō fātō vēnisset, ut bis ex eādem familiā salūs Siciliae cōstituerētur* – «они не могли бы спастись, если бы Гай Марцелл не явился, как будто посланный неким роком, так что Сицилия дважды от одной семьи получила спасение» (In Verr. II. 2. 8). Если Цицерон, работая над первой речью против Верреса, использовал стих Невия о Метеллах, то кажется правдоподобным, что он помнил об этом стихе и при написании последующих речей для этого процесса. Возможно, выражение *bis ex eādem familiā salūs Siciliae* восходит к Невию и составляет ближайший контекст к *fātō Metelli*: Луций Цецилий Метелл был дважды консулом, в 251 и 247 годах до н.э., обе свои военные кампании он провел в Сицилии, причем в первое проконсульство (250 г.) Метелл одержал важнейшую победу в сражении при Панорме.

(i) Теория переосмысления пытается примирить историю ссоры Невия с Метеллами с не-инвективным истолкованием *fātō Metelli*. Марморале полагал, что стих (сатурнов) входил в поэму *Bellum Punicum* и был написан для прославления Луция, консула 251, 247 г.г., но вскоре (еще при жизни Невия) был вырван из контекста и перенесен народным мнением на консула 206 г. Квинта (сына Луция) – уже в каком-то оскорбительном смысле¹⁸.

¹³ *Frank T. Naevius and Free Speech // AJPh. 1927. 48. P. 108* (Франк допускает также датальный падеж).

¹⁴ *Fraenkel Ed. Naevius // RE. 1935. Splbd 6. Sp. 623; Klussmann. P. 16.*

¹⁵ Это значение принято для *fato Metelli* в статье «*fatum*» в «*Thesaurus Linguae Latinae*» (Vol. VI. 1. 357. 14); автор этой статьи, следуя Виссова (*Wissowa G. Naevius und die Metelli // Genethiakon für C. Robert. B., 1910. S. 51–104*), признавал стих написанным «после Гракхов», вероятно, против консула 109 г. до н.э. Мы должны согласиться с тем, что в конце II в. до н.э. стих Невия был переосмыслен, и *fātō* воспринималось в смысле «с неизбежностью», в этот период Цецилии Метеллы были консулами в 123, 119, 117, 115, 113, 109 годах; именно это значение наиболее удобно для понимания остроты в Verr. I. 9.

¹⁶ *Marx Fr. Naevius // Berichte über die Verhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. 1911. 63. S. 69–102*; модификация теории Маркса: *Jocelyn H.D. The Poet Cn. Naevius, P. Cornelius Scipio and Q. Metellus // Antich-ton. 1969. 3. P. 32–47.*

¹⁷ (Metello) *era stato creato console per la fortuna di Roma (Marmorale. Fr. 70, 79, 82).*

¹⁸ Эта причудливая гипотеза потребовалась для обоснования биографии Невия, предложенной Марморале. Исторические построения Марморале очень спорны (*Skutsch O. Naevius poeta by Enzo V. Marmorale // The Classical Review. N.S. 1951. Vol. 1. P. 174–177*), но его аргументы против инвективной теории вполне убедительны; сочувственно о теории Марморале: *Richter. Op. cit. S. 292. О родственной гипотезе Маттинли см. прим 23.*

4. Ямбический триметр *fātō Metellī* происходит из драмы, поскольку использование ямба вне сценических жанров начинается в Риме с «Сатур» Энния. Для инвективной теории это создает непреодолимые трудности. То, что Невий мог допускать в комедиях политические выпады против важных людей, подражая поэтам Древней комедии, были готовы признать многие новые и старые историки римской литературы¹⁹. Однако это предположение не находит подтверждений, кроме того же спорного стиха о Метеллах. Нет ничего невероятного в том, что Невий допускал в комедиях злободневные (и даже личные) намеки, но упоминание римского гражданина по имени (*nominatim*) неправдоподобно. Дело не только в политических условиях и общественных нравах и законах. Имя реального лица нарушало бы жанровые требования, согласно которым Новая комедия должна ограничиваться вымышленными персонажами²⁰. Древняя комедия или некие гибридные формы в римском театре остаются фантастической гипотезой. Реальные лица или боги не могут появляться в комедии-паллиате²¹. По отношению к богам это ограничение не соблюдается строго в прологах. Каково положение с реальными лицами? Теренций много говорит о своих недоброжелателях и покровителях, но никого не называет по имени. Он упоминает о своих предшественниках и в «Девушке с Андроса» (166 г.) называет Энния (*Profl.* 18), умершего двумя-тремя годами ранее. Таким образом, упоминание Метеллов в комедии, не только в осудительном, но и в хвалебном смысле нельзя признать возможным.

Понятый в не-инвективном, хвалебном смысле, стих *fātō Metellī* находит место в трагедии-претексте. Не высказывая здесь предположений о сюжете или обстоятельствах постановки, заметим, что и для этого предположения Метеллы, упомянутые *nominatim*, создают трудности. Проблема заключается не в хвалебном или ругательном смысле стиха, а в поименном упоминании живого гражданина (консул 206 г.) и целой семьи консульского достоинства. В настоящее время исследователи римской драмы согласны в том, что претекста могла быть посвящена прославлению современников²², однако использование личных

¹⁹ *Audacior enim Naevius, suppressior... Plautus; πολιτικός... hic, ἠθικός ille, veterem, quod ad consilium spectat, hic, novam ille comoediam aemulatur. Nam, ut Cleonem, Hyperbolum, Lamachum, alios Aristophanes, in Periclem Eupolis, ita in Metellos et Scipionem Naevius invehitur; ut demagogos et stultos oratores et rabulas illi, ita eosdem Naevius lacessit et reipublicae perniciem ab iis proficisci profitetur* (*Klussmann.* P. 223).

²⁰ *Omnis comoedia de fictis est argumentis* (*Euanthius.* IV. 2 – о Новой комедии). Обращение к реальным событиям и лицам считалось отличительным признаком Древней комедии: *inest in ea velut historica fides verae narrationis et denominatio civium, de quibus libere discrebebatur* (*Euanthius.* II. 3). Автор «Риторики для Геренния» упоминает о двух процессах по обвинению в оскорблении (*iniuria*), поводом для которых послужило упоминание *nominatim* в театре. Оскорбленный поэт Луцилий не получил удовлетворения, однако поэт Акций выиграл дело (*Ad Her.* II. 19). Как видно из рассуждений анонима, казус заключался именно в личности поэта. В случае с Акцием защита доказывала, что тот ставит драмы под своим именем, следовательно, его имя можно упоминать в театре (*Ad Her.* I. 24). Очевидно, речь идет об объявлении имени автора драмы перед представлением. Этот софизм не имел успеха в суде. Можно предположить, что оправдание обидчика Луцилия, объясняется тем, что сам Луцилий писал личные инвективы. В случае с Акцием известно, что он был упомянут не в комедии, а в миме (*Ad Her.* I. 24), видимо, с мимом было связано и дело Луцилия. Ответчиком по этим искам могли быть только актеры.

²¹ Мифологическая комедия типа «Амфитриона» в древности считалась особым жанром (ринтонова драма).

²² *Manuwald G. Fabulae praetextae: Spuren einer literarischen Gattung der Römer.* München, 1885 (*Zetemata.* 108). S. 121–123.

имен могло быть ограничено, прежде всего, религиозными соображениями²³. В сохранившихся фрагментах мы не встречаем личных имен не только современников, но и республиканских деятелей вообще, – что, конечно, может быть случайностью.

5. Ответ Метеллов, идеальный сатурнов стих, по мнению римских метриков, при самом снисходительном отношении не может претендовать на историческую достоверность²⁴.

Стих *dabunt malum* был использован Псевдо-Бассом и метрическим источником Псевдо-Аскония как традиционный метрический образец, и различия в метрической интерпретации указывают на то, что в первоисточнике, вероятно, не была предложена эксплицитная метрическая схема или давалось несколько вариантов.

Однако есть и другое отличие, противопоставляющее анонимного автора метеллова стиха известной нам метрической традиции. Ответ Метеллов был сконструирован как идеальный сатурнов стих. Необходимо предположить, что обстановка, в которой ответ появился, должна была мыслиться также как идеальная ситуация для произнесения сатурновых стихов. Фабула утрачена, однако ясно, что сатурнов стих представлялся неизвестному римскому филологу инвективным, наподобие архаической греческой ямбографии, что в целом соответствует римским метрическим теориям, представляющим сатурнов стих как разновидность ямба. Однако инвективный характер идеального сатурнова стиха противоречит как реальному материалу, так и суждениям римских ученых. Мы узнаем, что сатурнов стих использовался в пророчествах (Cic. De div. I. 114; Fest. 432. 13 L; Origo gentis Romanae 4. 4), в триумфаторских надписях (Pseudo-Bass. VI. 265. 22 GLK; Atil. Fortunatian. VI. 293. 27 GLK), в древнем культе Сатурна (Charis. I. 288. 2 GLK), – но нет упоминания о насмешках или брани.

Единственное косвенное и очень слабое подтверждение мы находим у Дионисия Галикарнасского (Ant. VII 72. 11), который, рассуждая об обычае высмеивать триумфаторов, замечает: *πρότερον ἄμα τοῖς σκόμμασι παροχουμένοις, νῦν δὲ ποιήματα ἄδουσιν αὐτοσχέδια*. К этому месту была предложена привлекательная конъектура *ἀμέτροις* вместо *ἄμα τοῖς*. Далее, чтение *ἀμέτροις* может быть сопоставлено с выражением *ipsum ametron*, которое Харисий (I. 288. 2 GLK) применяет к сатурнову стиху²⁵. В результате свидетельство Дионисия по-

²³ По этой причине привлекательной может показаться гипотеза Маттинли, согласно которой *fātō Metelli* происходит из претексты Невия «Clastidium», а слово *metelli* (? *metalli*: Festus. 132 L) первоначально стояло в нарицательном смысле *наемник* (*наемный рабочий?*) и только позднее стало семейным прозвищем Цецилиев. Стих по этому толкованию должен содержать lamentации Марка Клавдия Марцелла, героя претексты, по поводу возвышения *homines novi*. Сам Маттинли замечает, что «это объяснение должно быть исключено, если когномен официально использовался (в конце III в. до н.э.)» (*Mattingly H. Naevius and Metelli // Historia. 1960. 9. P. 429*). Однако, вопреки Маттинли, использование фамильных когноменов для этой эпохи устанавливается вполне надежно: в «Анналах» Энния (ок. 180–170 гг.) упоминаются Cethegus и Tuditanus, консулы 205 г. (v. 305 Skutsch), Cotta, консул 200 г. (v. 324); в элогии Сципионов CIL 7; 9: Scipio Barbatus и filios Barbati.

²⁴ Уже Л. Мюллер (*Der saturnische Vers und seine Denkmaeler // Hrsg. von L. Mueller. Lpz, 1885. S. 167*) полагал, что ответ Метеллов, вероятно, придуман каким-то грамматиком (*potius a grammatico aliquo fictum est*).

²⁵ *Ullman B.L. Dionysius on Saturnian Verse // Classical Philology. 1944. Vol. 39. P. 47–48*. Автор конъектуры (*Post L.A. Notes on Dionysius of Halicarnassus // Classical Weekly. 1943. 37. P. 27–28*) понимал *ἀμέτροις* в смысле «прозаически»; текст и перевод Поста был принят в изд. Кэрри серии Loeb (1943–1986 гг., в примечаниях учтено мнение Аллмана).

лучает смысл: «первоначально (они пользовались) в своем шутовстве метрически несовершенными насмешками, теперь же они поют импровизированные стихи».

Грубость и необработанность сатурнова стиха были общим местом у грамматиков, однако от идеи древнего инвективного стиха римские метрики по каким-то причинам отказались²⁶.

Собственно метрические аспекты метеллова стиха были исследованы нами в другой работе²⁷.

NAEVIUS, THE METELLI AND SATURNIAN VERSE

A. Ye. Kuznetsov

The reply of the Metelli to the insolent verse of Naevius is considered to be the most important evidence of social impact on the literary history of Republican Rome. The evidence is not, however, infallible. The story is founded on scholia of Pseudo-Asconius (In Verr. I 29), a document of dubious reliability, which is the only extant source of the Naevian iambic verse «*fato Metelli...*», while the Saturnian reply «*dabunt malum Metelli...*» is attested by several metrical writers (Pseudo-Bassus, Aphthonius, Sacerdos, Atilius Fortunatianus, Terentianus Maurus). In this paper the author tries to demonstrate that (1) the text of Pseudo-Asconius is incoherent; (2) Pseudo-Asconius had at his disposal some metrical theory of the Saturnian that differed entirely from the theory used by those metricians who quoted «*dabunt malum Metelli...*»; (3) Pseudo-Asconius picked «*fato Metelli...*» out of some old Commentary to Cicero's speeches; (4) the metricians like Aphthonius knew nothing about «*fato Metelli...*». All this implies that Pseudo-Asconius merged two different sources, one providing «*fato Metelli...*» in order to explain the witty dictum of Cicero, and the other putting «*dabunt malum Metelli...*» forward as an example of the Saturnian meter. Thus the exchange of vituperative verses between the poet and the Metelli had no foundation in grammatical or historical tradition; this exchange was an accidental result of confusion made by a 5th century scholiast (Pseudo-Asconius).

Two verses involved in the story require different approach. The iambic «*fato Metelli...*» no doubt came from some drama. The joke about Metellus' consulate in Cic. Verr. I. 29 does not definitely presuppose that «*fato Metelli...*» had some invective sense. In fact, various invective interpretations of the utterance «*fato fieri*» meet with considerable difficulties. Marmorale argued with good reason that the verse had a laudatory sense and connected it with L. Caecilius Metellus (cos. 251, 247 A.D.). However the verse originated from *fabula praetexta*, not from *Bellum Punicum* as Marmorale conjectured.

The verse «*dabunt malum Metelli...*» was a fiction of an antiquarian (probably republican), who sought to demonstrate the ideal form of the Saturnian. This ideal example was incorporated in a quasi-historical narrative about Naevius and the Metelli. The author of the anecdote thought that like ancient Greek iambography the original Saturnian had been an invective poetry. This reconstruction causes a problem, since the extant Roman sources do not treat Saturnian as an invective. Only Dionysius of Halicarnassus can provide some help, if we read (with Post and Carry) in his description of triumph (Ant. VII 72, 11) ἀμέτροις (ἄμα τοῖς ms.) and understand this word as a hint at a rough rhythm of the Saturnian verse.

²⁶ Мог ли Варрон придумать анекдот о Метеллах и Невии вместе с ответом Метеллов? Варрон изучал Невия и занимался его биографией (De Poetis), но известно, что он придерживался теории профетического, но не инвективного происхождения сатурнова стиха (De Lingua Latina. VII. 36). Что касается альтернативных метрических схем Псевдо-Басса и Диомеда, то мы должны согласиться с Луизелли в том, что они были разработаны после Варрона (Luiselli. Op. cit. P. 76).

²⁷ Кузнецов А.Е. Латинская метрика. Тула, 2006. С. 373–379.